

Андрей Белый

Глоссалогия

поэма о звуке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б43

Б43 **Белый А.**
Глоссалогия: поэма о звуке / Андрей Белый – М.: Книга по Требованию, 2014. –
128 с.

ISBN 978-5-517-97875-2

ISBN 978-5-517-97875-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Печатая «Г л о с с а л о л і ю» черезъ пять лѣтъ послѣ ея написанія, я долженъ дать нѣсколько пояснительныхъ словъ. Было бы совершенно превратно въ «Г л о с с а л о л і и» видѣть теорію, собирающуюся кому-то что-то доказать. Г л о с с а л о л і я» — импровизація на нѣсколько звуковыхъ темъ; такъ, какъ темы эти во мнѣ развиваютъ фантазіи звукообразовъ, такъ я ихъ вылагаю; но знаю я: за образной субъективностью импровизацій моихъ скрытъ виѣ-образный, не-субъективный ихъ корень. Вѣдь наблюдая оратора, видя жесты его и не слыша вдали содержанія его рѣчи, мы можемъ однако опредѣлить содержаніе это по жестамъ, какъ «страхъ», «восхищеніе», «негодованіе», мы заключаемъ, что рѣчь, намъ неслышная, есть «нѣчто восхищенное», иль «страшное»; мы потомъ узнаемъ, что ораторъ предостерегалъ противъ чего-то, стараясь къ чему-то внушать толпамъ страхъ; и мы понимаемъ,

что воспріятіе наше жеста, вполнѣ соотвѣтствовало содержанію, не слышному намъ.

Такъ же звукъ я беру здѣсь, какъ жестъ, на поверхности жизни сознанія, — жестъ утраченнаго содержанія; и когда утверждаю, что «Сс» — нѣчто свѣтовое, я знаю, что жестъ въ общемъ — вѣренъ, а образныя импровизаціи мои суть модели для выраженія нами утраченной мимики звуковъ. Что мимика эта въ насъ вспыхнетъ и освѣтится сознаніемъ, въ это твердо я вѣрю. И въ это будущее поднимаю свои субъективные образы, не какъ теорію, а какъ поэму: поэму о звукѣ.

«Глоссалолія» есть звуковая поэма. Среди поэмъ, мной написанныхъ («Христосъ Воскресе» и «Первое Свиданіе»), она — наиболѣе удачная поэма. За такую и прошу я ее принимать. Критиковать научно меня — совершенно бессмысленно.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

1-го іюля 1922 года

Берлинъ.

Глубокія тайны лежатъ въ языкѣ: въ громѣ говоровъ — смыслы огромнаго слова; но громы говоровъ и мгновенныя молніи смысловъ укрыты метафорнымъ облакомъ, проливающимъ изъ себя въ волны времени линіи неизливныхъ понятій; и какъ не схожи намъ ливень, грома, облака, такъ не схожи и смыслы звучаній, и образы слова; отличенъ отъ нихъ сухой, плоскій понятійный смыслъ.

Что такое земля? Она — лава; лишь корость кристалловъ (каменей) сковаль пламень; и роко-ты лавы бьютъ въ жёрла вулкановъ; и верхній пластъ — зѣмли — такъ тонокъ; покрытъ онъ травой.

Такъ и слово, которое — буря расплавленныхъ ритмовъ звучащаго смысла; толщѣю кремнистыхъ корней эти ритмы окованы; пылкій смыслъ утаёнъ; верхній пластъ — слово-образъ (метафора); его звукъ, какъ гласитъ намъ исторія языка, только склейка разъѣденныхъ, разъѣдаемыхъ звуковъ; а образъ — процессъ разрушенія звука; и смыслы обычного слова — трава! — начинаютъ расти изъ него; такъ: паденіе фонетической чистоты есть развитіе діалектической пышности; и паденіе пышности есть терминъ, есть осень для мысли.

Бурный пламень, гранить, глина, травы — не схожи; не схожи; не схожи намъ смыслы: понятій, метафоръ, корней и движеній воздушной струи, строящей звуки въ огромнѣйшемъ Космосѣ (въ полости рта).

2

Нѣкогда не было знаковъ, «Земель», ни кремней, ни гранитов; было — пламенное; распускались по Космосу лопасти летучаго газа; земля клочкотала огнистымъ цвѣткомъ; развивалась, сливалась она изъ Космической сферы; и эти жесты огней повторили позднѣе себя: въ лепесточкахъ цвѣтовъ; оттого-то космическій свѣтъ — цвѣтъ полей; всѣ цвѣты — напоминанія объ огняхъ безграничной, космической сферы; всѣ слова — напоминанья о звукѣ стариннаго смысла.

Нѣкогда не было въ нашемъ смыслѣ понятій: понятійный коростъ обсталъ образъ слова; нѣкогда не было самаго образа слова: образы обложили позднѣе безобразный корень; ранѣе не было корня; всѣ корни — змѣиныя шкурки; змѣя же живая — языкъ; нѣкогда та змѣя была струями, нѣбо же — парусомъ ритмовъ, не-

сущихъ; космосъ, твердѣя, сталь полостью рта; струя воздуха — эта танцовщица міра — языкъ нашъ.

Прежде явственныхъ звуковъ въ замкнувшейся сферѣ своей, какъ танцовщица, прыгалъ языкъ; всѣ его положенія, перегибы, прикосновенія къ нѣбу и игры съ воздушной струей (выдыхаемымъ внутреннимъ жаромъ) сложили во времени звучные знаки — *спиранты, сонанты*: оплотнѣвали согласными; и — отложили массивы изъ *взрывныхъ*: глухихъ (p, t, k) и звучащихъ (b, d, g).

3

Игры танцовщицы съ легкой, воздушной струей, точно съ газовымъ шарфомъ — теперь намъ невняты.

И сочетанія звуковъ, слагаясь, ссыпаясь, ссыхаясь, отяжелили нарѣчія; словари звуко-образовъ, бременя память намъ, не взирають намъ въ душу былымъ своимъ явственнымъ жестомъ; такъ: ясность звучнаго смысла — въ умѣніи видѣть танцы танцовщицы съ шарфомъ — воздушной струей; темнота же его — въ словаряхъ, изъ котораго понастроены челоуѣчествомъ храмы нарѣчій.

Сочетанье высокаго «і» съ низкимъ «и» (ино-
 странное «у») не означаетъ для насъ — соче-
 танья, *слянія*; не понимаемъ: звукъ «W» есть
 звукъ «U»; в «і» есть «п»: iup-iuw-iup-(go)-iuv
 (enes) — намъ бѣжитъ по исторіи; и означаетъ:
 «слянье» и «юность»; не понимаемъ мы древ-
 няго «W», произносимаго около глотки; не по-
 нимаемъ, какъ только потомъ возникаетъ звукъ
 «V» перелетая къ губамъ. Выраженіе влетанія
 воздуха въ глотку есть Nah; оттого то и «ахъ» —
 удивленіе, опьяненіе воздухомъ; «ha» — отданіе,
 эманация: воздуха, жара души; и звукъ «Hauch»
 выражаетъ значеніемъ смысла — значеніе звука.
 Полугласная «h» (вѣрнѣй «а» с придыханіемъ) —
 первое вѣяніе воздуха звука изъ жара, изъ
 глотки.

Образованье спирантъ — образованіе горящихъ
 туманностей газа: тончайшей матеріи звуковъ;
 въ «w», «v», «r», «h» и «s» мы имѣемъ распадъ на
 тепло (w), энергію (r), воздухъ холодный (v) и
 воздухъ теплый (h), на свѣтъ и огонь («s» и «r»);
 а въ сонантомъ ряду u-w-r-l-p — образованье: изъ
 воздуха влаги; l-m-p — явно жидки; три взрыв-
 ные — g-d-b — почти тверды: «b» — вязко,
 «d» — звонко, «g» — рыхло-разсыпчато; k-t-p
 (рядъ глухихъ, глухо-взрывныхъ) — тверды; я
 сказалъ бы, что — каменны, еслибъ «p» не являл-

ся намъ символомъ твердой животности, «t» — растительной тканью; «k» — каменный, минерально-безжизненный звукъ; вотъ три царства: животныхъ («p», «b»), растений («t», «d»), кристалловъ («k») и аморфныхъ земель («g»).

4

Все движеніе языка въ нашей полости рта — жестъ безрукой танцовщицы, завивающей воздухъ, какъ газовый, пляшущій шарфъ; разлетаяся въ стороны, концы шарфа щекочуть гортань; и — раздается сухое, воздушное, быстрое «h», произносимое, какъ русское «ха»; жестъ раскинутыхъ рукъ (вверхъ и въ сторону) — «h» (см. рис. № 1).

Жесты рукъ отражаютъ всѣ жесты безрукой танцовщицы, пляшущей въ мрачной темницѣ: подъ сводами нѣба; безрукую мимику отражаетъ движеніе рукъ; тѣ движенія — гиганты огромнаго міра, незримаго звуку; такъ языкъ изъ пещеры своей управляетъ громадою, тѣломъ; и тѣло рисуетъ намъ жесты; и бури смысла — подъ ними.

Жестъ руки нашъ безрукій языкъ подглядѣлъ; и повторилъ его звуками; звуки вѣдаютъ тайны

древнѣйшихъ душевныхъ движеній; такъ, какъ мы произносимъ звучащіе смыслы словесъ, такъ творили насъ нѣкогда: произносили со смысломъ; наши звуки — слова — станутъ міромъ: творимъ человѣковъ изъ словъ; и слова суть поступки.

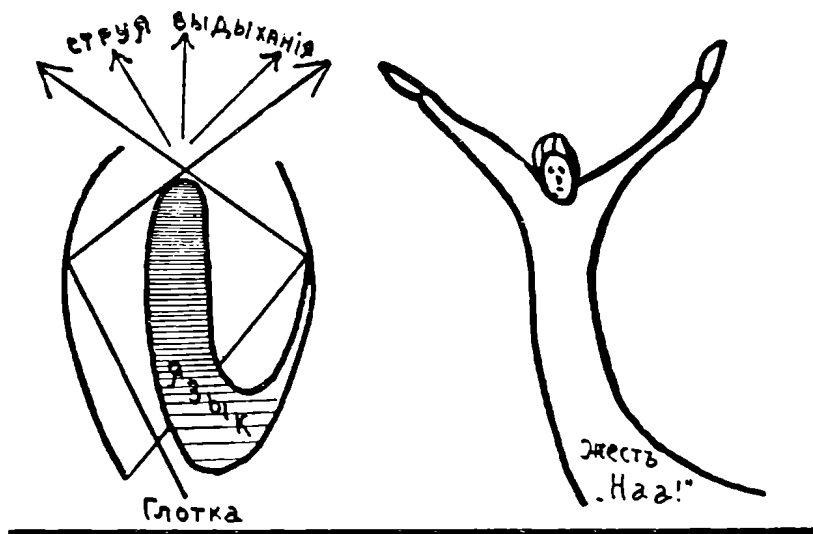

Рис. 1

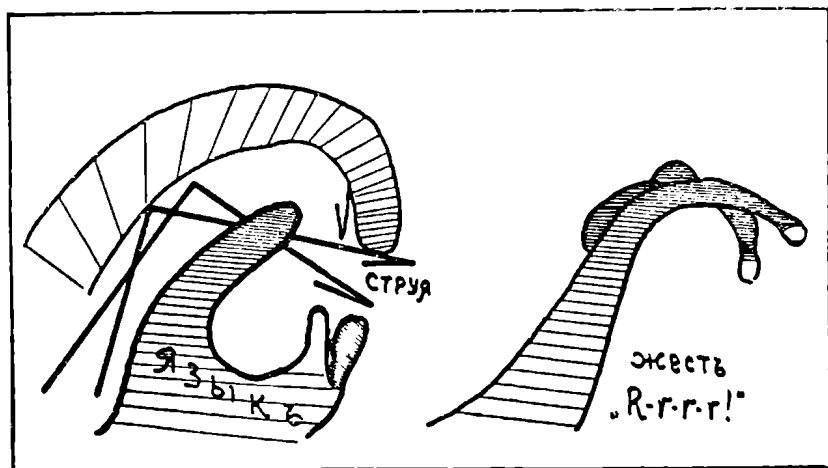
Звуки — древніе жесты въ тысячелѣтіяхъ смысла; въ тысячелѣтіяхъ моего грядущаго бытія пропоетъ мнѣ космической мыслью рука. Жесты — юные звуки еще не сложившихся мыслей, заложенныхъ въ тѣлѣ моемъ; во всемъ тѣлѣ моемъ

произойдетъ тоже самое съ теченіемъ времени то, что происходитъ пока въ одномъ мѣстѣ тѣла: подь лобною костью.

Переполнится мыслью все тѣло мое.

5

Въ звукѣ «г» подлетаетъ языкъ: его кончикъ дрожить; струя воздуха сзади толкаетъ языкъ; и срывается съ мѣста онъ, сисяся побѣжать по направленію къ выходу въ свѣтъ — имитация жеста бѣга по времени — «г». (См. рис. № 2.)

Въ звукѣ «s», у зубовъ, завиваясь спиралью, струя выдыханія излетаетъ наружу, рисуя намъ жесты спиралью взвиваемыхъ рукъ.

Въ звукѣ «b» замыкаются губы; и сила покрова изъ губъ (какъ давленіе съ периферіи и къ центру) звукъ «b» намъ кидаетъ обратно; и оттого, — вотъ жесты «b»: отступя шагъ назадъ, наклонивъ долу голову, приподымаю я руку надъ ней, уходя подъ покровъ.

Въ звукѣ «p» — жест иной. (См. рис. № 3.)

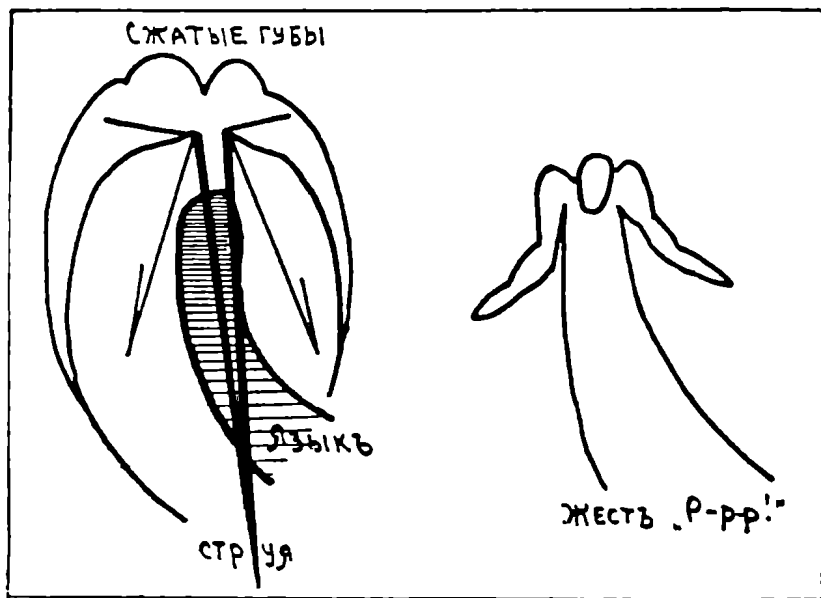

рис. 3